

**ОПРЕДЕЛЕНИЕ. СОГЛАСОВАННОЕ И НЕСОГЛАСОВАННОЕ
ОПРЕДЕЛЕНИЕ. ПРИЛОЖЕНИЕ.**

Шодиева Матлюба Солиевна,

Преподаватель кафедры русского языка и литературы

Самаркандского государственного педагогического института;

Суннатов Қувончбек Маширабович,

студент 3 курса факультета языков

Самаркандского государственного педагогического института

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена проблеме категориальной неоднородности определения как второстепенного члена предложения в русском языке. В центре внимания находятся три типа атрибутивных конструкций: согласованные определения, несогласованные определения и приложения. Анализируются морфологические и синтаксические критерии разграничения данных типов, а также переходные и гибридные случаи, демонстрирующие нежесткость синтаксической системы русского языка. Особое внимание уделяется интерпретации способов выражения атрибутивных отношений через падежные, предложно-падежные и инфинитивные формы. В работе критически переосмысляются классические положения академической грамматики и предлагаются уточнения к критериям выделения приложения как особого типа определения, связанные с семантической отнесенностью и функцией идентификации. В заключении формулируется вывод о том, что противопоставление согласованных и несогласованных определений не является абсолютным: между ними существует континуум переходных явлений, где решающую роль играет не столько формальная связь (уподобление или управление/примыкание), сколько семантико-синтаксический тип атрибутивного отношения.

ABSTRACT. This paper addresses the issue of categorical heterogeneity of the attributive modifier (definition) as a secondary clause constituent in the Russian language. The focus is on three types of attributive constructions: agreed modifiers, non-agreed modifiers, and appositions. The analysis covers morphological and syntactic criteria for distinguishing these types, as well as transitional and hybrid cases that demonstrate the non-rigid nature of the Russian syntactic system. Particular attention is paid to the interpretation of ways of expressing attributive relations through case, prepositional-case, and infinitive forms. The study critically reinterprets classical provisions of academic grammar and proposes refinements to the criteria for identifying apposition as a special type of modifier related to semantic reference and identificational function. The conclusion formulates that the opposition between agreed and non-agreed modifiers is not absolute: there exists a continuum of transitional phenomena where the decisive role is played not so much by the formal link (agreement vs. government/adjoining) as by the semantic-syntactic type of attributive relation.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: определение, согласование, несогласованное определение, приложение, атрибутивные отношения, синтаксическая связь, русский язык, грамматика, морфологизованные и неморфологизованные члены предложения.

KEYWORDS: attribute modifier, agreement, non-agreed modifier, apposition, attributive relations, syntactic relations, Russian language, grammar, morphologized and non-morphologized sentence constituents.

Проблематика второстепенных членов предложения в русском синтаксисе обладает длительной исследовательской традицией, однако именно категория определения продолжает вызывать дискуссии, связанные с несовпадением формальных и семантических критериев его выделения. В самом общем приближении под определением принято понимать такой

зависимый компонент синтаксической конструкции, который распространяет имя существительное или субстантивированное слово и указывает на признак, свойство или качество обозначаемого предмета, причем этот признак может быть как постоянным, так и ситуативным. Академическая грамматика русского языка традиционно проводит разграничение между двумя основными типами определений — согласованным и несогласованным — в зависимости от характера синтаксической связи между определением и определяемым словом, а также выделяет приложение как особую разновидность определения, обладающую дополнительными семантическими и формальными характеристиками.¹ Тем не менее, при ближайшем рассмотрении данная классификация обнаруживает зоны пересечения и неопределенности, которые требуют не просто констатации, но теоретического переосмысления.

Согласованное определение представляет собой морфологизованный тип атрибутивного члена, при котором связь между определяемым и зависимым словом реализуется через уподобление формы зависимого слова форме главного в тех грамматических категориях, которые являются общими для обоих — в роде, числе и падеже для полных прилагательных, местоимений-прилагательных и порядковых числительных, а также в числе и падеже (с частичным проявлением рода) для причастий. Следует отметить, что данное уподобление не является механическим повторением всех граммем: например, прилагательное в форме единственного числа мужского рода именительного падежа, определяющее существительное в том же числе и падеже, но в женском роде, согласование не осуществит, ибо род здесь выступает как категориальная характеристика, требующая когерентности. В работах, развивающих идеи формального направления в синтаксисе, неоднократно

¹ Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — С. 132–135.

подчеркивалось, что согласование как тип связи в русском языке является максимально предсказуемым и грамматикализированным: по форме определения в изолированной позиции нередко можно реконструировать грамматические характеристики определяемого слова. Так, наличие флексии прилагательного, оканчивающейся на определенный гласный или сочетание согласного с гласным, сигнализирует о падежной принадлежности существительного даже при его эллипсисе. Классические описания русского синтаксиса, восходящие к трудам первой половины XX века, выделяли согласованные определения как эталонный случай атрибутивной связи, противопоставляя их всем прочим способам выражения признака — тем, где формальная уподобленность отсутствует.

Вместе с тем, широкое понимание согласованного определения включает в себя не только прилагательные и причастия, но также порядковые числительные, которые вносят в атрибутивную конструкцию не качественный или относительный признак, а указание на место предмета в ряду других, и некоторые разряды местоимений — указательные, притяжательные, определительные, вопросительно-относительные. В данной связи важно отметить, что указательные местоимения в функции определения, как правило, не добавляют содержательной характеристики предмету, но выполняют дейктическую или анафорическую функцию, выделяя предмет из класса ему подобных через пространственную или текстовую отнесенность. Исследования, посвященные семантике атрибутивных конструкций, показывают, что использование подобного типа определений сближается по своей коммуникативной нагрузке с артиклевыми системами в языках с аналитическим строем, где определенность или неопределенность выражается служебными элементами, тогда как в русском языке эту роль частично берут на себя местоименные согласованные определители. Однако формальное

согласование остается главным диагностирующим признаком для данного типа.

Переходя к несогласованным определениям, необходимо констатировать, что этот класс объединяет разнородные способы выражения атрибутивного признака, при которых связь между определением и определяемым осуществляется либо через управление (постановка зависимого слова в определенном косвенном падеже без предлога или с предлогом), либо через примыкание (неизменяемое слово или форма, не адаптирующаяся к главному слову по грамматическим категориям). Классическая теория русского синтаксиса к несогласованным определениям относит: родительный присубстантивный (например, указание на принадлежность или часть целого), родительный приименный с количественным значением, конструкции с творительным падежом, имеющие сравнительно-характеризующую семантику, предложно-падежные сочетания, выражающие пространственные, временные и иные признаки предмета, а также инфинитив, который занимает особое место в системе определений. Стоит специально оговорить, что лингвистическая интерпретация конструкций с инфинитивом в позиции определения остается одной из наиболее дискуссионных областей: традиционно инфинитив рассматривается как примыкающий член, который обозначает не признак предмета в собственном смысле, а потенциальное действие или состояние, с которым этот предмет связан отношениями предназначения, способности или необходимости. В примерах типа "желание понять", "способность говорить", "приказ наступать" инфинитив не изменяется и не управляется существительным в полном смысле (хотя наблюдается слабая тенденция к управлению — некоторые существительные

лексически требуют инфинитива), что позволяет квалифицировать его как определение.²

Критерий разграничения согласованных и несогласованных определений, таким образом, формален: если определение представлено изменяемым словом, принимающим те же грамматические значения рода, числа и падежа, что и определяемое существительное (или числа и падежа для субстантивированных прилагательных среднего рода), то перед нами согласованное определение; во всех прочих случаях — несогласованное. Однако этот, казалось бы, четкий формальный критерий наталкивается на ряд трудностей, связанных с существованием субстантивов общего рода, несклоняемых существительных, а также с явлением так называемого "согласования по смыслу". Обратимся к наиболее показательным случаям. Если определяемое слово выражено несклоняемым существительным иноязычного происхождения, например, обозначающим лицо женского пола или животное, полные прилагательные, вступая с ним в связь, принимают форму того рода, который семантически приписан этому существительному в реальной действительности или в рамках языковой конвенции. В ряде учебных грамматик это квалифицируется как согласование, хотя формально показатели рода у прилагательного не скопированы с окончания существительного (которого просто нет). Более сложный случай представляют составные наименования и аббревиатуры. Когда аббревиатура, относящаяся к мужскому роду по опорному слову (например, вуз — высшее учебное заведение), определяются прилагательным, имеющим женский род, если аббревиатура фонетически оканчивается на гласный и осмысливается говорящим как существительное женского рода. Названные явления демонстрируют, что граница между согласованными и несогласованными определениями может

² Пешковский А.М. Указ. соч. — С. 298–299.

быть размыта в той мере, в какой сама категория согласования зависит от интерпретации говорящим грамматической природы определяемого слова.

Не менее значимой представляется проблема различения несогласованного определения и приложения. Согласно доминирующей в русистике точке зрения, приложение представляет собой определение, выраженное именем существительным (в некоторых трактовках — также субстантивированным словом), которое согласуется с определяемым словом в падеже и, как правило, стоит в том же числе, но не обязательно согласуется в роде, поскольку род определяется по родовой принадлежности определяемого существительного. Вместе с тем, классические работы по синтаксису, в частности труды, развивающие идеи В.В. Виноградова, подчеркивали, что приложение обладает особой семантикой — оно дает предмету другое название, выражает родовую, видовую или индивидуальную характеристику, часто выступая как средство идентификации или квалификации. Существенно то, что приложение стоит в том же падеже, что и определяемое слово, тогда как несогласованное определение в родительном падеже сохраняет управляемую форму независимо от изменения главного слова. Эта дистинкция, однако, не всегда приложима к конструкциям типа "город Москва", "озеро Байкал", "газета "Известия"", где оба компонента изменяются синкретично. В подобных случаях традиционное синтаксическое описание признает приложением второй компонент, который обозначает индивидуальное имя собственное по отношению к родовому нарицательному имени. Но если поменять порядок: "Москва-река", "Байкал-озеро", то семантические отношения остаются теми же, хотя синтаксическая трактовка может меняться в сторону определения в позиции перед главным словом. Некоторые лингвисты предлагают рассматривать подобные биноминативные конструкции как особый тип атрибутивно-аппозитивных сочетаний, где

функцию определения выполняет имя, более конкретное или индивидуализирующее по отношению к другому.

Критический анализ позволяет выявить три основных параметра, по которым приложение противопоставляется несогласованному определению. Первый параметр — падежное уподобление: приложение изменяется по падежам синхронно с определяемым словом, тогда как несогласованное определение в виде родительного приименного сохраняет свою падежную форму неизменной вне зависимости от падежа главного компонента. Например, в конструкции "книга брата" слово "брата" стоит в родительном падеже и при изменении падежа главного слова ("книгой брата", "о книге брата") остается неизменным. В аппозитивном же сочетании "студент-отличник" оба компонента склоняются: "студента-отличника", "студенту-отличнику", "студентом-отличником". Второй параметр — семантическая двуименность: приложение дает предмету иное имя (нарицательное или собственное), тогда как несогласованное определение в родительном падеже чаще выражает отношения принадлежности, части, количества или отвлеченного признака. Третий параметр — возможность трансформации в сочинительную или присоединительную конструкцию: аппозитивные сочетания нередко допускают вставку связки "именно", "то есть", "а именно" или замену на сложное слово с дефисным написанием, что свидетельствует о тесной смысловой спаянности компонентов, близкой к словообразовательной. Однако, как справедливо замечалось в исследованиях по прикладной лингвистике, все эти критерии работают не во всех случаях, а лишь в ядерной зоне явления.

Особый интерес представляет категория обособленных приложений, которые, будучи оторванными от определяемого слова интонационно и пунктуационно, приобретают дополнительную предикативную нагрузку. В

работах по синтаксису простого предложения неоднократно указывалось, что обособленное приложение приближается по своим функциональным свойствам к придаточной определительной части сложного предложения, ибо содержит добавочное сообщение, мотивировку или пояснение. Например, конструкция, где приложение с личным местоимением вводится как уточнение характера или рода занятий лица, демонстрирует, что данное приложение уже не просто называет дополнительный признак, а развертывает микротему, связанную с подлежащим. Академическая грамматика квалифицирует обособленные приложения как синкретичные члены, сочетающие атрибутивную и полупредикативную функции. В этом отношении показательно сравнение с согласованными обособленными определениями, выраженными причастными оборотами или прилагательными с зависимыми словами: в обоих случаях обособление сигнализирует о переходе от атрибутивной связи к реляционной предикации второго порядка.

Теоретическая база настоящего исследования опирается на переосмысление концепций, разработанных в рамках нескольких научных школ. В частности, идеи представителей формально-грамматического направления, восходящие к трудам Ф.Ф. Фортунатова и его последователей, трактовали согласование как морфологическое уподобление, обусловленное общей для русского языка тенденцией к выражению синтаксических отношений через флексию. В альтернативной традиции, представленной А.М. Пешковским, акцент смещался на интонационно-ритмическую и позиционную организацию атрибутивных групп, где определение рассматривалось как компонент, создающий "синтаксическую форму слова". Позднее, в работах Н.Ю. Шведовой и авторов "Русской грамматики" 1980 года, утвердился многоаспектный подход, согласно которому тип определения должен устанавливаться на пересечении трех критериев: морфологического (часть речи и ее способность к словоизменению), синтаксического (тип связи

— согласование, управление, примыкание) и семантического (характер атрибутивного отношения — качественный, относительный, посессивный, количественный, аппозитивный). Данный подход позволяет квалифицировать такие пограничные явления, как определения, выраженные неизменяемыми прилагательными типа "беж", "хаки", "бордо". Данные слова, заимствованные из других языков, не изменяются и потому формально относятся к несогласованным определениям, однако они обладают типичной для прилагательных семантикой цвета или стиля и нередко замещают позицию согласованного определения в синтагматическом ряду. Синтаксическая связь здесь квалифицируется как чистое примыкание, но в семантическом плане эти единицы практически неотличимы от согласованных качественных прилагательных.

Исследователи, работавшие в русле функциональной грамматики, предлагали рассматривать определение не как изолированный член предложения, а как реализацию определенной функционально-семантической категории — атрибутивности, которая охватывает все средства выражения признака предмета, включая придаточные определительные части. С этой точки зрения, согласованные и несогласованные определения представляют собой две стратегии кодирования атрибутивных отношений — морфологизованную и синтаксически маркированную. Первая стратегия доминирует в случае, когда признак мыслится как постоянное, неотъемлемое свойство предмета (качественные прилагательные и причастия в адъективной функции), вторая — когда признак связан с пространственной, временной или иной отнесенностью, либо когда атрибут выражен именем, называющим другой предмет (посессивные конструкции, названия материала, авторства, вместилища). Важно подчеркнуть, что распределение этих стратегий не является жестким: один и тот же содержательный признак может быть выражен как согласованным, так и несогласованным определением с тонкими

семантическими и стилистическими различиями. Так, указание на материал может быть передано прилагательным "деревянный" (согласованное) или существительным в родительном падеже "из дерева" (несогласованное). Первый вариант воспринимается как более обобщенный и постоянный признак, второй — как указание на исходный материал в аспекте изготовления или происхождения. Однако в технических текстах эти различия могут нейтрализовываться.

Существуют переходные случаи — так называемые "полупредикативные" конструкции, где обособленное приложение или определение с обстоятельственными оттенками занимают позицию между подлежащим и сказуемым и могут трактоваться двояко. Методом трансформационного анализа можно показать, что истинным определением является такой зависимый компонент, который сохраняет свою синтаксическую функцию при трансформации в определительный придаточный оборот с относительным местоимением "который" в соответствующей падежной форме.

Суммируя вышесказанное, следует заключить, что триада "согласованное определение — несогласованное определение — приложение" отражает фундаментальные свойства русской синтаксической системы, но не является исчерпывающей классификацией. Между названными типами обнаруживаются зоны переходности, где определение проявляет свойства двух или даже трех категорий одновременно. Например, определение, выраженное порядковым числительным, сочетает формальное уподобление (согласование) с семантикой, близкой к аппозитивной (указание на место в ряду идентифицирует предмет). Определение, выраженное субстантивированным прилагательным ("столовая", "военный"), в своей основной функции требует переосмысления, поскольку само является именем.

Приложение, в свою очередь, может иметь при себе зависимые слова, образуя развернутый аппозитивный оборот, который приближается к придаточному предложению. Поэтому наиболее адекватной теоретической рамкой следует признать не жесткую таксономию, а шкалу атрибутивности, где на одном полюсе располагаются прототипические согласованные определения (однословные полные прилагательные в препозиции к конкретному существительному), а на другом — конструкции с примыкающим инфинитивом или застывшей падежной формой, которые некоторые исследователи склонны рассматривать не как определения, а как часть составного именного сказуемого или обособленного оборота. Приложения и несогласованные определения, выраженные существительными в косвенных падежах с пространственной семантикой, занимают промежуточные позиции на этой шкале.³

Особого внимания заслуживает динамика атрибутивных конструкций в устной спонтанной речи, где зафиксированы явления "нанизывания" несогласованных определений (родительный падеж после родительного, так называемый "родительный цепи") и контаминации согласованных и несогласованных форм в пределах одной синтагмы. Не менее важно и сопоставительное изучение определений в славянских языках, где степень грамматикализации согласования варьируется, что позволит выделить общеславянские тенденции и идиоэтнические черты русского синтаксиса в области атрибутивных отношений.

³ Распопов И.П. Указ. соч. — С. 51–53.

Список использованной литературы

1. Виноградов В.В. Вопросы современного русского словообразования и синтаксиса // Виноградов В.В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. — М.: Наука, 1975. — С. 155–212.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. — 8-е изд. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 544 с.
3. Шведова Н.Ю. (ред.) Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. — М.: Наука, 1980. — 709 с.
4. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: Наука, 1973. — 351 с.
5. Ломтев Т.П. Основные положения синтаксиса современного русского языка. — М.: Учпедгиз, 1958. — 164 с.
6. Распопов И.П. Спорные вопросы синтаксиса. — Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 1975. — 124 с.